

группы людей и принципов ее анализа (С. 85). В данном случае это сделать довольно сложно (широкие хронологические рамки исследования, отнесение к “историкам” всех преподавателей, работавших на двух исторических кафедрах, в т.ч. “неисториков”, и наоборот).

Монография А. Баженовой основана на изучении большого массива источников, в том числе материалов пяти польских, девяти русских и трех украинских архивов, в которых сохранились документы по истории Варшавского университета. Особую значимость рецензируемой работе придает то факт, что автор широко использовала материалы польских архивов, труднодоступные для отечественных исследователей. Источниковую базу исследования можно было бы существенно дополнить за счет материалов Нежинского филиала Государственного Архива Черниговской области: многие преподаватели Варшавского университета в свое время были либо выпускниками, либо преподавателями Нежинского Историко-Филологического Института.

Наряду с архивными документами, исследовательница изучила важнейшие опубликованные источники, в частности, “Варшавские университетские известия”. На основании “Обозрения препода-

вания предметов в Императорском Варшавском университете” она рассмотрела систему преподавания (С. 377-380), а на основании “Кратких отчетов о состоянии и деятельности университета за учебный год” – работу университета в целом. Большую ценность представляют и регулярно публиковавшиеся в журнале “Варшавские университетские известия” протоколы Заседания Совета университета, которые остались вне поля зрения автора. В них содержатся и ходатайства о командировках с ученой целью, и разрешения на публикацию трудов ученых, и известия о назначениях на профессорские должности. К сожалению, автор, изучив в НИОР РГБ личные фонды Н. Кареева, Н. Попова, В. Макушева и Г. Писаревского, обошла вниманием основной, 44-й фонд Варшавского университета, который содержит 870 единиц хранения, в том числе – материалы из личных архивов Ф. Зигеля, А. Яцимирского, П. Черняева (в частности, записку П. Черняева “Почему в Варшаве должен быть русский университет” (Ф.44. К.14. Д.3)).

Несмотря на то, что исследование ограничено 1915 годом, было бы целесообразно в ряде случаев выйти за обозначенные рамки и проследить судьбу историков Варшавского университета

после 1915 года. Это бы придало исследованию завершенный вид. Наконец, нельзя не заметить, что наличие именного указателя значительно облегчило бы читателям работу с текстом монографии.

Высказанные замечания ни в коей мере не умаляют достоинств рецензируемой монографии, которая представляет собой значительный вклад в изучение истории российской высшей школы. Автором проделана большая, сложная и кропотливая работа. Содержащаяся в монографии обширная информация позволяет на основе документов, воспоминаний, собственных свидетельств историков реконструировать прошлое исторической науки.

Наталья КОВАЛЬЧУК

А. Ю. Баженова. Историки Императорского Варшавского университета 1869–1915: просвещение, наука, политика. Люблин: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 2014. 408 с. ISBN: 978-83-60695-80-7.

Императорский Варшавский Университет занимает особое место в истории российско-польских отношений XIX – начала XX века. Основание и последующая трансформация учебного заведения были тесно связаны с политикой, проводимой Российской империей в Царстве Польском и, в частности, с реакцией власти на восстания 1830–31 и 1863–64 гг. После первого из них Университет был сначала закрыт, а после (в 1862 году) восстановлен в статусе Главной школы. Последствием Январского восстания стала ликвидация польского учебного заведения и основание на его месте русского Императорского университета в июне 1869 г. В книге Анны Баженовой повествование открывается 1869 и заканчивается 1915 годом, когда в связи с военными действиями университет был эвакуирован вглубь России. Со дня основания Императорский Варшавский университет был призван служить “единению Царства Польского с Россией”.

Поскольку хронологические рамки монографии совпадают с наиболее, пожалуй, напряженным периодом в истории “польского вопроса” в империи, три ее ключевые темы – просвещение, наука и политика – оказываются тесно переплетенными между собой.

Книга А. Баженовой позволяет поместить историю Варшавского университета как минимум в два контекста. Первый из них предполагает исследование университета и его исторической программы с точки зрения истории образования и науки. Цель исследования, как ее формулирует автор, состоит в том, чтобы “очертить круг историков этого учебного заведения и показать их вклад в историческую науку и развитие педагогической деятельности” (С. 12). В процессе автор занимается поиском ответов на ряд дискуссионных вопросов, например – об уровне преподавания в Варшавском университете и его репутации как научного центра. Второй контекст – изучение роли университета в унификационной политике правительства и реакции польского общества на эту политику. Историки исполняли особую роль в этой миссии в силу с идеологической нагруженности дисциплины и ее связей с языком и культурой.

Монография состоит из трех глав. Первая из них является вступительной и описывает место Им-

ператорского Варшавского университета в российской системе образования, а также роль историко-филологического факультета в структуре университета. Главы вторая и третья рассматривают, соответственно, два основных аспекта деятельности историков: преподавание и науку. Отдельная “политическая” глава отсутствует, однако напряженная политическая ситуация в крае отражена в академических сюжетах книги. Анна Баженова проделала впечатляющую работу, изучая биографии, преподавательскую и исследовательскую деятельность группы ученых. Автор проанализировала (в некоторых случаях – впервые) многочисленные источники, хранящиеся в польских, российских, украинских архивах и добросовестно изложила свои заключения в тексте монографии.

Текст оживляют бытовые зарисовки, иллюстрирующие межличностные отношения или отражающие национальные и политические конфликты в университетской жизни. Так, например, антипольские высказывания И. Филевича привели к тому, что “24 октября 1897 года они [студенты] с шумом покинули аудиторию, оставив И. Филевича одного” (С. 138). Особый интерес вызывают отзывы студентов о преподавателях, отраженные в документах личного проис-

хождения, например, в письмах и дневниках. Галерея портретов людей с очень разными судьбами, характерами и привычками позволяет представить манеры, особенности поведения и человеческие слабости героев повествования, делая восприятие университета более личностным.

Цель второй главы, по словам автора, состоит в том, чтобы реконструировать систему обучения будущих историков (в 1870 г. на историко-филологическом факультете появились отделения – славяно-русское, классическое, историческое) и проанализировать, как она изменилась за 46 лет существования учебного заведения (С. 122). Анализ научно-методической документации исторического отделения воспринимался бы легче, будь она представлена в виде сравнительных таблиц, а не списков. Тем не менее, и в таком формате можно проследить логику формирования учебных программ и процесс кадрового обеспечения учебного процесса, а также изменения, которые произошли за полвека – в основном, за счет увеличения количества практических (семинарских) занятий.

Глава также содержит характеристику курсов, читавшихся преподавателями кафедр всеобщей и русской истории. Интереснейшей частью изложения являются

отзывы студентов и коллег о качестве преподавания, поведении профессоров в аудитории и за ее пределами. Так, можно узнать, например, что знаменитый востоковед О. Ковалевский был на момент приезда в Варшаву человеком пожилым и малоактивным, по словам студентов – “неспособным к дальнейшим самостоятельным исследованиям” (С. 141). Н. Аристов “кланялся, входя в аудиторию, по-купчески всем корпусом” (С. 129). Н. Любич имел репутацию блестящего лектора и “всегда читал лекции по памяти, не заглядывая в конспект” (С. 155). И. Коссович “всегда входил в аудиторию со стихами из Вергилия, Горация, Пушкина и даже Мицкевича” (С. 171).

Кадровая политика в университете регулировалась, в том числе, обстоятельствами неакадемического характера, связанными с болезненным превращением польского Королевского университета в русский императорский. После изменения статуса университета польская профессура принуждена была в течение трех лет пройти переаттестацию, включавшую экзамен на владение русским языком и подтверждение научных степеней, что привело к серьезным переменам в составе преподавательского корпуса. В процессе обучения использовался исключительно русский язык,

независимо от родного языка преподавателя и уровня владения русским. Польские профессора, которые отказались проходить переаттестацию (согласно исследованию С. И. Михальченко, таких было 20 человек из 76), вынуждены были искать работу в другом месте. Оставшиеся преподавали, как умели и могли, на русском, не всегда понятном слушателям. Несмотря на то, что большинство выпускников вплоть до событий 1905 г. были поляками, на некоторых кафедрах академическая карьера была для них закрыта даже в условиях кадрового голода.¹

В научной литературе (в первую очередь, польской) встречается мнение о невысоком качестве преподавания в университете и непрестижности его диплома; его даже называют худшим университетом империи.² Вопреки этим оценкам, автор делает общий вывод о достойном уровне преподавания в университете. В первую очередь А. Баженова подчеркивает достижения таких маститых ученых, как Н. Кареев, В. Францев, А. Погодин, В. Макушев, К. Грот,

Н. Любович и др., вполне интегрированных в современную им европейскую науку, а также называет имена известных выпускников Варшавского императорского университета: Ш. Ашкенази, М. Хандельсмана, Я. Кохановского, В. Конопчинского.

Пожалуй, одним из главных разочарований является отсутствие в книге именного указателя, что, ввиду обилия упоминаемых имен, затрудняет ее использование в качестве справочного издания. В то же время, биографии ученых являются ценнейшей частью исследования. В книге А. Баженовой присутствуют жанровые признаки коллективной биографии. Просопографический метод применяется автором в одном из разделов книги применительно к группе историков из 16 человек, жизненный путь которых подвергся углубленному исследованию (С. 85-120). Формируя группу, автор использовала в качестве формального критерия отбора их аффилиацию с кафедрами всеобщей или российской истории. Это решение кажется спорным по нескольким причи-

нам. Во-первых, оно не вполне учитывает исследовательский, а в некоторых случаях – и дидактический профиль преподавателей, игнорирует интердисциплинарную специализацию большинства ученых. Сама автор справедливо отмечает, что “особенностью исторической науки того времени было сотрудничество историков и юристов, а также историков и филологов” (С. 164). Далекое не все преподаватели, связанные с кафедрами всемирной и отечественной истории, являлись историками в узком смысле. В то же время, карьера многих профессоров юридических и филологических кафедр вполне позволяет отнести их к этой когорте. Например, представители кафедры славянской филологии (В. Макушев, И. Первольф, К. Грот, П. Кулаковский, В. Францев, А. Погодин, В. Погорелов, А. Яцимирский) публиковали исследования по истории и читали соответствующие курсы (С. 176), но оказались за рамками просопографического исследования.

Возникает вопрос, можно ли экстраполировать статистические закономерности, выведенные в процессе исследования, а именно данные о происхождении, образовании, академической карьере,

средней продолжительности жизни и т.д., на группу героев книги в целом? Очевидно, нельзя, поэтому вряд ли этот раздел можно считать “просопографическим портретом” историков Варшавского университета (С. 12). Еще одна особенность использования автором биографического метода состоит в поиске статистических закономерностей даже там, где их существование вызывает большие сомнения: “...очевидно, что преподаватели кафедры русской истории жили меньше коллег с кафедры всеобщей истории. Не последнюю роль в их преждевременном уходе могла сыграть их общественно-политическая позиция, которая не способствовала спокойной работе в польской среде” (С. 102).

Кроме истории образования, другой важной темой книги является роль университета в проведении государственной политики на польских территориях Российской империи. Миссия университетов в Центральной и Восточной Европе того времени предполагала, в первую очередь, качественную подготовку служащих для государственного аппарата и системы образования.³ Императорский Варшавский университет имел целью не только превращение

¹ С. И. Михальченко. Императорский университет в Варшаве: проблемы польско-российских взаимоотношений (1869–1915) // *Slavica Lundensia*. 2005. Vol. 22. С. 37–39.

² I. Ichnatowicz. Uniwersytet Warszawski w latach 1869–1899 // *Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego 1815–1915* / Red. S. Kieniewicz. Warszawa, 1979. S. 378–494; M. Paszkowska. Z dziejów wydziału prawa Cesarskiego Uniwersytetu Warszawskiego (1869–1915) // *Studia Iuridica. Wydział Prawa i Administracji UW*. 2003. T. XLII. S. 152; Михальченко. Императорский университет в Варшаве. С. 41.

³ M. Baar. *Historians and Nationalism. East-Central Europe in the Nineteenth Century*. Oxford, 2010. P. 84.

местной польской молодежи в лояльных подданных и чиновников для управления регионом, но и в целом интеграцию территорий и замещение польского языка и культуры русскими.

Политика русификации активизировалась после подавления Январского восстания. К концу 1860-х годов преподавание в высших и средних учебных заведениях края было повсеместно переведено на русский язык. Давлению подвергались и преподаватели и студенты, вынужденные сдавать экзамены на владение русским языком несколько раз в процессе обучения. Исследование Баженовой, однако, усложняет парадигму противостояния и ставит под сомнение формулу “поляки против империи, империя против поляков” (С. 18). Во-первых, как уже было указано выше, автор подчеркивает научную и образовательную значимость Варшавского университета, которая не сводилась к роли простой “кузницы кадров” российской бюрократии в Царстве Польском. Во-вторых, А. Баженова подвергает критическому анализу образ

русского ученого-русификатора. По ее мнению, в академическом сообществе Варшавского университета встречались и противники русификации, и те, кто со временем заинтересовались польской культурой и историей до такой степени, что стали ее пропагандистами (С. 29). Так, Александр Погодин написал несколько книг на польские темы.⁴ Присутствовала польская тематика и в трудах В. Францева и Н. Кареева,⁵ который изучал польский язык, историю Реформации в Польше, публиковал некоторые работы на польском языке (С. 150-152).

А. Баженова использует комплексное определение термина “русификация”, принимая за основу подход, изложенный, в частности, в работах А. Миллера, М. Долбилова и А. Рибера об имперской политике по отношению к национальным окраинам. Этот подход предполагает обсуждение множественных форм русификации в зависимости от характера и направленности действий правительства и отмечает разницу между русификацией в национальном и имперском

смысле.⁶ А. Баженова признает борьбу польского и русского “национальных проектов” в западных губерниях и многообразие форм русского воздействия (С. 27). Этот тезис, однако, не вполне согласуется с материалом, приведенным в самом исследовании. Миссия Императорского Варшавского университета была очевидной и состояла в обеспечении скорейшей ассимиляции Царства Польского, о чем свидетельствует и кадровая политика, и политика в отношении студенчества (С. 55-61). Также в учебные планы университета были включены дополнительные предметы (история России, русский язык), отсутствующие в учебных планах других заведений, в то время как польская история и язык не изучались. В результате таких мер уже на рубеже XIX–XX вв. большинство преподавателей были русскими. Статистика состава студенчества также подтверждает успех усилий по русификации (именно в национальном смысле). Так, если в годы после открытия университета абсолютное большинство студентов были католиками (а значит, поляками), то в 1905 г. они сравнялись в численности с

православными (40%), а к 1914 стали меньшинством. Такие изменения не были случайными, они отображали политику властей и были прямым следствием принятых правительством мер (возможность поступления для семинаристов, аттестации по русскому языку и т.д.).⁷

Свидетельства участников событий передают напряжение между группами русских и польских преподавателей и студентов университета, а также общую гнетущую атмосферу – результат перманентного конфликта. Так, Д. Петрушевский характеризовал университет как “скверное место”, в котором бытует “патриотизм в форме самого казенного шовинизма” (С. 91, 96), Н. Кареев описывал атмосферу “стихийной ненависти к полякам” (С. 150). Конфликт проявлялся и в учебных аудиториях. Например, Н. Аристов, которого студенты характеризовали как “полякофоба”, “не мог не быть постоянно настороже” во время лекций (С. 129). И. Филевич, русский патриот и, по словам коллег, “агитатор”, с грустью признавал, что “тесная связь профессора с польской аудиторией невозможна” (С. 136).

⁴ А. Л. Погодин. Главные течения польской политической мысли (1863–1907 гг.). Санкт-Петербург, 1907; Его же. Очерк истории Польши. Москва, 1909; Его же. Адам Мицкевич, т. 1–2, Москва, 1912–1913; Его же. История польского народа в XIX веке. Москва, 1915.

⁵ Н. И. Кареев. Исторический очерк Польского Сейма. Москва, 1888; Его же. Очерк истории реформационного движения и католической реакции в Польше. Москва, 1886.

⁶ А. Миллер. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. Москва, 2006; Западные окраины российской империи / Сост. М. Долбилов, А. Миллер. Москва, 2007; Imperial Rule / Ed. A. Miller, A. Rieber. Budapest, 2004.

⁷ Михальченко. Императорский университет в Варшаве. С. 42.

С этими фактами диссонирует вывод автора о том, что университету не удалось стать “инструментом русификации” (С. 68). Основными доводами служат примеры самоотверженной и неангажированной работы нескольких русских историков. На самом деле, оценка эффективности Варшавского университета как “орудия русификации” требует изучения влияния последнего на польское общество, однако эта задача выходит далеко за пределы намерений и возможностей автора. Тем не менее, Анне Баженовой несомненно удалось показать сложную картину многоуровневого взаимодействия разных групп и уйти от биполярного подхода, обозначив тенденции и направленность имперской политики на западной окраине империи.

Деятельность таких личностей, как Кареев или Погодин, усложняет общую картину, однако вряд ли можно считать, что единичные представители либеральной интеллигенции могли влиять на политику в целом. Общее впечатление от книги можно выразить словами Н. Кареева, который в 1905 г. написал: “Я думал ... всегда, что в Варшаве университет должен быть польским, но что, раз существует университет русский, нужно стараться, чтобы он был не орудием русификации, а органом для сближения и при-

мирения двух интеллигенций, которым судьба велит жить в одном и том же государстве ... лично я считал возможным для себя профессорствовать в Варшаве, полагая, что русская университетская кафедра, при космополитизме действительно научных истин, может быть полезной и польскому юношеству, никак не во вред его национальному самосознанию... Потом, к сожалению, я увидел, что это была иллюзия” (С. 261-262).

Станислав АЛЕКСЕЕВ

James Turner, *Philology: The Forgotten Origins of the Modern Humanities* (Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2014). 576 pp. Bibliography. Index. ISBN: 978-0-691-14564-8.

Вечная филология и ее временные формы

В 2009 г. индолог Шелдон Поллок с ноткой сожаления отмечал, что до сих пор не существует исторического обзора мировой филологии.¹ К настоящему моменту ситуация несколько выправилась, и одна из попыток начертать историю филологии будет рассмотрена в данной рецензии. Речь идет о книге Джеймса Тернера “Филология: забытые истоки гуманитарных наук”. Правда, сам Поллок едва ли согласился бы признать книгу Тернера подходящим кандидатом на заполнение указанной лакуны. Во-первых, это история *не только* (или *не столько*) филологии, во-вторых, история *не всеобщая*.

Первую особенность работы Тернера раскрывает само ее заглавие. Как представляется, автору важнее проследить то, как из обширного поля, именуемого до XIX в. просто “филология”, начинают развиваться и в первой половине XX в. уже оформляются в виде автономных дисциплин отдельные ветви гуманитарного знания. Этой дифференциации гуманитарного знания посвящены две трети книги, тогда как двухтысячелетней истории целостной филологической науки, от ее зарождения в тихих уголках Александрийской библиотеки до кропотливых трудов Р. Бентли и Ф. А. Вольфа, отведена только одна треть. Авторская перспектива – генеалогическая, в центре которой современные гуманитарные науки и их возникновение из филологии.²

Что касается второй отмеченной характеристики книги Тернера, то это действительно не всемирная история филологии в том смысле, о котором писал Ш. Поллок.³ В центре внимания здесь

¹ “...philology is and has always been a global knowledge practice, as global as textualized language itself, albeit no such global account of its history has ever been written”. Sheldon Pollock. Future Philology? The Fate of a Soft Science in a Hard World // *Critical Inquiry*. 2009. Vol. 35. P. 934.

² Автор понимает ограниченность собственной попытки и сам указывает на некоторые области, оставшиеся “за бортом” его повествования (Р. XVIII). Интересно, что философию он не включает в состав гуманитарных наук по принципиальным соображениям. В эпилоге дается объяснение этому выбору (Рр. 381-382).

³ Недавно вышел сборник, соредактором и одним из авторов которого выступил Поллок, делающий шаг в сторону реализации своей идеи истории мировой филологии: